

УДК 82

Е.А. Жиндеева

**Своеобразие мотивной структуры романа М. Сайгина
«Разломы» в контексте выявления социального начала
в произведении**

Аннотация. В статье предложен анализ мотивной структура романа известного мордовского прозаика М.Л. Сайгина с позиции аксиологического комментирования социального начала в произведении.

Ключевые слова: мотивика, архитектоника, роман, пафосность, социальное начало, контекст.

E.A. Zhindeeva

**The peculiarity of the motive structure of the novel M. Saygin «Breaks»
in the context of reveal the social source in the work**

Summary. The article gives an analysis of the motive structure of the novel of the famous Mordovian prose writer M.L. Saygin with position of axiological commentation of the social source in the work.

Keywords: motivity, architectonics, novel, pathos, social source, context.

Издание романа «Разломы» известного мордовского прозаика М.Л. Сайгина является значимым событием в литературе Мордовии. Вступая в полемику с традиционным представлением об исторических процессах, мордовский писатель не стремится доказать возможность какого-то другого, гуманного пути преобразований. В задачу автора «Разломов» входит изображение личностного начала, которое часто предопределяет развитие тех или иных общественных отношений.

Для сегодняшнего писателя неотъемлемой частью повествования стали талант новатора, смелость исследователя-первооткрывателя, лиризм. К сожалению, немногие из произведений сегодняшних авторов отвечают требованиям времени. В этом отношении роман М.Л. Сайгина «Разломы» – приятное исключение.

Михаил Лукьянович Сайгин обращается к уже известной, хорошо разработанной в мордовской литературе теме становления советской власти на селе первых лет коллективизации. Если учесть, что Мордовия всегда была аграрным краем, и промышленность как

таковая стала развиваться в республике только в 1940-е гг., то книга о родной земле, о борьбе за нее наиболее приемлема для поиска истоков сегодняшнего положения в обществе, для анализа ошибок и достижений прошлого.

Архитектоника романа проста: в центре повествования судьба жителей Ежоки в непростое время – в период с начала первой мировой войны и до времен коллективизации включительно. Сходство с родным селом автора, Ежовкой Ковылкинского района, наблюдается не только в названии изображаемого населенного пункта. Прозаик умело вводит стилизованный фольклорный материал. Из уст учителя, Григория Ивановича Богословского, приехавшего в село после событий 1905 года, узнает читатель легенду о братьях Маглоке, Терьгане и Ежоке. Примечательным является то, что не мордвин рассказывает мордовским детям историю их родного мокшанского села. Трудно сказать, почему автор прибегает к такому повороту событий, но объяснимо стремление писателя показать исконную мордву и людей пришлых, приезжих. Так, когда-то сюда занесло попутным ветром попа

Борискина, ставшего не только церковным главой, но и самым богатым человеком на селе. Получил здесь угоды и выстроил усадьбу царский вельможа Арбатов. Судьбы смешиваются в круговороте времен и событий. И все же центральные персонажи – коренные жители Ежоки – Лука и Проса Пахомовы, Семен и Яков Демидовы, Демьян и Семен Келаськины (по-уличному Цягодай и Цёмар), дочь последнего – Аксинья.

Обращаясь к теме деревни 1910-30-х гг., авторы чаще всего делят своих героев на положительных представителей советской власти, сознательных и бескомпромиссных; вторую половину составляют отрицательные персонажи: богатеи, чиновники, духовенство. Заслуженной М. Сайгина является то, что он отходит от стереотипа. Не все так просто в Ежоке. Глубинный разлом деревни, преобразования, революция в Ежоку приходят на подготовленную почву. Революционному разлому предшествует душевный надлом. Не стоит упрощать сюжетную линию и говорить об индивидуальном конфликте Цягодай и Луки Пахомова, вспыхнувшим в результате гибели маленького Коли Пахомова, вынужденного отрабатывать долги за крещение младшего брата Миньки, как о предпосылке изменений на селе. Автору это удастся. Описывая единичную ситуацию, М. Сайгин подчеркивает типичность положения вещей. Цягодаю должно все село: кто за похороны, кто за крещение, кто за свадьбу, кто за то, что целое лето отрабатывал прошлые долги ему и не смог обработать свой надел, а кто и за то, что мал надел и не может прокормить всех едоков, ведь земля дается только на мужчин, а чем меньше надел, тем хуже по плодородию земля достается крестьянину.

В настоящее время не принято говорить о большевиках-партийцах, их роли в общественном переустройстве 20-х гг. XX в. Все чаще говорят о Великой Октябрьской революции как об ошибке. Оставим политические споры, лишь скажем, что автор и его роман придерживаются другой позиции. М. Сайгин показывает возможности организации кол-

лективного хозяйства, артели в 1918-19-е гг. Естественным является то, что части романа написаны, по-видимому, в разные годы. И если первые две части дополняют и продолжают друг друга, то третья по пафосности явно не идентична первым двум. Незначительный временной промежуток в два-три года порождает на селе совершенно иные, труднообъяснимые отношения. Если первые две части рассказывают о перспективах и возможностях изменений на селе, то последняя – предварительный результат преобразований и далеко не утешительный. Спокойно, незаметно подготавливает прозаик своих читателей к противоречивости, сложности, недосказанности третьей части.

«Ударил в Ежоку революция, да на нет сошла», – не раз подчеркивает писатель в первой части, тем самым отдавая дань самостоятельности, неизбежности происходящих перемен на селе, что и становится лейтмотивом всего повествования. Произведение начинается с радостного события в семье Луки и Прасковьи Пахомовых – рождения сына Михаила. Трудно прокормить Луку и восьмилетнему Кольке мать и двух девочек – Веру и Анну, земельный надел дается только на мужчин. Чуть приметными деталями подчеркивает автор специфику отношений на селе. «С половиною села родственно-соседскими узами повязан Лука» [1, 6].

Опытному читателю интуиция подсказывает, что рано или поздно как раз Минька и станет одним из центральных персонажей повествования. Именно этот образ, думается, и является настоящей удачей автора. Судьба не обошла этого мальчугана горестями и напастьями. Хотя и косвенно, но он стал причиной смерти старшего брата, насмерть продрогшего у богатея Цыгадай на молотилке. И хотя в семье никогда никто об этом не говорил, мальчик явился предлогом ссоры Егора и богатея, последней каплей терпения. На долю Миньки выпало сиротство. Его отец, чей портрет автор дает опосредованно: «подошел к Луке после службы кум Артем, Колькин крестный, здоровый, русоволосый мужик, под стать само-

му Луке, только чуть пониже» [1, 8]. Трудовая жизнь крестьянина, перипетии Луки-бойца, его деятельность в качестве главы крестьянской артели, обстоятельства гибели вполне соответствуют канонам метода социалистического реализма. Однако третья часть романа наиболее сложная и, как нам кажется, незавершенная, явно выходит за рамки соцреализма. Это попытка совершенно бескомпромиссно, конкретно показать, что и каким образом изменилось в судьбе мордовского села после революции.

«Один из главных прототипов романа-трилогии, наш земляк Семен Яковлевич Арапов, перед смертью оставил мне очень богатый материал о виденном и пережитом. Его биография и легла в основу первых двух книг романа», – пишет М.Л. Сайгин в послесловии, тем самым отчасти снимая с себя ответственность за документальность описанного, оставляя за собой законное авторское право внести при необходимости художественные дополнения и поправки в текст произведения. Заинтересованный читатель хотел бы увидеть дальнейшую судьбу Михаила Пахомова – центрального героя третьей части повествования. Возвращаясь к образу которого, следует сказать, что автор описывает его жизнь в контексте развития общественно-политической ситуации в стране, что, впрочем, не заслоняет жизненность конкретного характера. Лишь по счастливой случайности мальчик остался жив в момент гибели родителей. Описывая разыгравшуюся трагедию, прозаик показывает неизбежность, даже обыденность случившегося: «Подвода въехала на пригорок, из-за елок, стоявших в стороне от остального леса, выглянуло просыпающееся солнце, и в то же мгновение ударил выстрел...» [1, 272]. Тем надрывнее, безвыходное описание страшной находки Семена, дяди Миньки по материнской линии: «Вдруг Семен услышал стон из самой глубины человеческой кучи, не стон даже, а повизгивание, словно кутенок, скулил. Семен лихорадочно принялся растаскивать тела. В самом низу, подтянув ноги к животу, лежала

женщина. Семен узнал ее, не переворачивая, по худым плечам, по пучку посеребренных волос, забрызганных темной кровью.

Он осторожно перевернул Просу лицом вверх. На груди темнела большая пробоина. Когда он переворачивал сестру, из-под нее, всхлипывая, выполз окровавленный комок. Это был Минька, весь залитый кровью, но кровь эта была не его» [1, 271].

Как могло получиться, что Минька – сын первого артельщика – стал батраком в доме своего дяди Нестора во времена новой экономической политики, автор не объясняет. Читатель видит происходящее глазами несмышленища Миньки. Ситуация с выдачей хлеба Нестора комсомольцам становится индикатором сложившейся непростой ситуации. Почеловечески обидно за Миньку и досадно, как могло так получиться: «Комсомольцы вернулись из Норватова гордые, с круглыми кимовскими значками. Особенно задавался Демьян.

- Ну, что там, Демка, строго спрашивают? – поинтересовались у него Минька с Сергуней.

- Вы не очень-то надеетесь, – важно ответил Демьян, будто бы от него зависело, быть или не быть им в комсомоле, – ты, рябой, в особенности.

- Это почему же?

- Происхождение твоё хромает не туда.

- Это мое-то хромает? – возмутился Минька. – Да мой отец с матерью коммуны тут первую подымали, мне вон до сих пор старики рассказывают. А твой отец с ружьем против коммуны ходил.

- Отец мой наказание от Советской власти принял и теперь сознательный колхозник, и дед, вон ему уж семьдесят лет, а на колхозной мельнице трудится, а твой дядя зажиточный кулак и враг Советской власти» [1, 342].

Что предшествовало этому? Как могло так получиться, что сын Луки Пахомова стал одновременно и батраком, и племянником-наследником кулака? Почему отец Демьяна, расстрелявший Луку Пахомова, его дед, известнейший богатей Цягодай, стали представителями Советской власти? На эти сложные

вопросы автор не дает ответов, но он и не уходит от них. Анализируя ситуацию, писатель беспристрастно изображает свершаемое, предоставляя возможность читателю решать затрагиваемые проблемы, исходя из его личного понимания происходящего.

Особенно поражает сцена раскулачивания. Исходя из личных амбиций, подвыпивший представитель Советской власти Матвей Каргин отправляется раскулачивать отца своего соперника, комсомольца Кузьмы Мазина, парня честного и достойного, благо, опыт раскулачивания был велик: «Матвей Каргин для сельского масштаба был подкован неплохо, мог поговорить о левацких загибах, о правом уклоне, знал слова «оппортунист», «тенденция», и даже такое сложное слово, как «анархо-синдикалист» произносил без усилия.

Из райкома требовали процент коллективизации «вплоть до самых решительных мер». Матвей с них и начинал: давил единоличников беспощадным налогом, кто не платил, отбирали корову, овец, свиней, кур. Увозили надворные постройки: амбары, бани, доходило до того, что снимали крыши с изб» [1, 352].

Показательна позиция официальной власти: «Давай Цягодая раскулачим под корень, – предложил Лексей, – кулак матерый. Добро свое на работников записал, сына вроде бы отделил, сам в колхозе укрылся и смеется над нами.

- Давай, – согласился Матвей, – только другим разом. Потребует от нас район вскоре еще кулака, мы его и раскулачим. Это называется – текущая работа. А так мы разом всех кулаков переведем и делать нам будет нечего» [1, 358].

То, что Тихон Мазин пытается восстановить церковь, принял постриг, и является тем недостающим звеном в обосновании правильности раскулачивания, автором не комментируется. Сложно понять, на чьей стороне писатель: церкви или власти.

Интересна реакция на происходящее Миньки Пахомова и Демьяна Келаськина, принимающих участие в раскулачивании, но стоящих на противоположных ценностно-ориентирован-

ных человеческих позициях: «Гони корову, – сунул веревку в руки Миньке Матвей. Минька веревку не брал и, поскольку Матвей совал ему веревку прямо в руку, отошел от него в сторону.

Минька пошел в избу за Демьяном. В доме царило разорение. Были разбросаны и побиты горшки, иконы были сброшены с божницы на пол. Демьян стоял в углу и мочился за печку. На шее его, прямо поверх пальто, моталось серое кашне отца Тихона, карманы были чем-то набиты, и сам Демьян чего-то жевал. Он застегнул штаны и подмигнул Миньке:

- Огурца хочешь? Иди бери, там, в чулане, в бочке.

У Миньки от злости потемнело в глазах.

- Гад! – бросился он на Демьяна, хрипя от ненависти» [1, 358].

Смертельная схватка этих молодых людей продолжится и во время обучения в партшколе в Саранске, где Пахомов становится невольным свидетелем судьбы друга Демьяна – Лемова и красавицы Маруси.

Правдоискателю Михаилу было не избежать ареста в то смутное, беспокойное время. Автор позволяет своему герою одержать победу над адаптировавшимся к новой власти богатеям в селе Аладово, где парень проходил партийную практику. Арестован он был потому, что не мог сказать плохого о хорошем человеке. По роковому стечению обстоятельств следователем, разбиравшем дело Миньки, стал подлец Лемов: «Весь задор из него (Миньки – Е.Ж.) вышел. Плевать, что дело шито белыми нитками. Как ему объяснили бывалые люди в камере, дело его, может, и читать никто не будет, а может и суда никакого не будет тоже. Есть теперь Особое совещание, которому ни адвокат не нужен, ни свидетели, ни сам подсудимый» [1, 427].

Трудно сказать, что не сработало в деле Миньки, но оказавшись на свободе, парень снова полон сил и стремлений. Не сломила его и личная потеря. Его девушка, которая когда-то вышла замуж по научению матери, приезжает к Миньке. Достоин выдержал парень объяс-

нение, не покривил душой: «Зина, – мучаясь, сказал Минька, – я тебе врать не буду, после того, как узнал о твоём замужестве... Я думал о тебе, правда. И скучал, и хотел приехать. Я и сейчас рад тебя видеть. Но это ведь не то. Это как сердце чувствует. Холодно или жарко. И нельзя сказать, чтоб было жарко...» [1, 429].

Хочется отметить особый авторский стиль писателя. М. Сайгин заявляет о себе как тонкий лирик, мастер переходов от лирического к эпическому. Вот, например: «Сквозь прорехи в облаках тускло мерцали звезды. Далекий свет их делал непроглядную темень еще чернее, Семен скорее угадывал, чем видел мягкую от пыли дорогу. Рядом невидимой спутницей текла Мокша. Родная река! Как часто снились Семену среди безбрежного моря ее плавные изгибы, просторные песчаные косы, омуты, бездонные, как глаза Аксины. Величаво неслала она свои воды, не пряталась в кустах, не бросалась с перекатов, добротой и спокойным нравом пленила сердце мокшанина, как негромкая вечерняя песня. Река спала, лишь изредка всплеск могучей рыбы взрывал ее. Семен перебежал по мосту, рассыпав дробь шагов по бревенчатому настилу. Два года прошло с тех пор, как увезла его Цягодаева подвода из родных мест, два года садилось солнце

за макушку горы Пяшпанду, а сколько событий протекло над Семеном!» [1, 262].

Авторские философские монологи поражают простотой, искренностью, доступностью и глубиной. «Говорят, что русский мужик долго запрягает, да быстро ездит. Насколько в сравнении с ним быстро ездит мордвин, сказать трудно, но запрягает он точно гораздо медленнее русского. Особенно когда дорога незнакомая и ехать по ней принуждают не по своей воле. Спутник мордовских деревень, перекочевавший с мордовским народом из-за Волги, ивняк – одновременно и символ этой земли – легко согнуть, да трудно сломать. От всех напастей, от набегов хазар, от страшной татарской чумы спасалась мордва бегством. За Волгу, в мещерские уремы, под могучую руку северного соседа. А тут – куда побежишь? Кругом советская власть, русскому крестьянину – суровая мать, мордвину – вовсе злая мачеха» [1, 418].

Таким образом, Михаил Лукьянович Сайгин в своем романе рассматривает актуальную тему. Неслучайно книга удостоена Государственной премии Мордовии (1993 год). Особо следует отметить автобиографичность образа Михаила Лукича Пахомова, что характерно в мордовской литературе для крупных эпических повествований еще со времен становления национальной прозы.

Литература

1. Сайгин М.Л. Разломы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998. 432 с.

References

1. Saygin M.L. Razlomy. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1998. 432 s.